

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка

Виктория Токарева

Почем килограмм славы

Рассказы и киноповесть



Санкт-Петербург

ОДИН ИЗ НАС

Во ВГИКе существовал термин «выйти в производство». Это значило: написать сценарий, который примет киностудия. К нему найдется режиссер и снимет кино. Если идти дальше и фильм окажется удачей, то его пошлют на кинофестиваль, он получит приз. А если еще дальше — представят на «Оскар». И фильм окажется удостоенным самой высокой международной оценки. Но это слишком далеко. Мне хотелось самого простого: выйти в производство. И даже это казалось недостижимым.

Однажды мне позвонил Доработчик и попросил, чтобы я встретила с его другом Аликом. А может быть, позвонил сам Алик и, сославшись на Доработчика, попросил о встрече. А может, вообще никто не звонил, мы просто встретились с Аликом в метро. Момент первого знакомства из моей памяти выпал. Помню только себя

и Алика в метро. Я передаю ему свой рассказ. Он хочет снимать кино и ищет для этого драматургический материал. Видимо, ему посоветовали меня. Мое имя начинало тогда неярко мерцать.

Алик — высокий блондин арийского типа. Тонкое лицо, голубые глаза, тихий голос. Объективно — красивый. Но для меня красота — это не рост, не внешность, а талант, который просачивается через глаза. Или хлещет через глаза. У Алика ничего не хлестало, жизненный напор был слабым, как и голос.

Снимать комедию гораздо сложнее, чем мелодраму. Заставить зрителя засмеяться гораздо труднее, чем заплакать. Врожденный юмор — это умение видеть мир через определенное стекло. Одни видят, а другие нет. Владимир Ильич Ленин, например, говорил о себе так: «Я понимаю юмор, но не владею им». А Ленин был умным и даже блестящим человеком. Однако юмором не владел.

Алик тоже понимал юмор, но не владел им совершенно. И при этом стремился снимать комедию.

Мое впечатление от Алика нулевое. Я вижу его глазами, но не улавливаю его сущности.

Алик забирает рукопись и уходит. Я смотрю ему в спину. Он ступает как-то неуверенно. Одни идут уверенно — и все берут.

Другие идут неуверенно и просят. И им не дают. И они обижаются.

Дальше я помню, как мы вдвоем — я и Алик — оказываемся у Доработчика дома. Идет разминка, мы проговариваем возможные сюжеты для комедии. И вдруг зацепились за историю типа: ехал грека через реку, видит грека... — и так далее, куда он попадает, что видит и что с ним случается, с нашим смешным, доверчивым и трогательным Грекой. О том, как он влипает, как «кур в ощи́п», в авантюрную историю. Я, кстати, долгое время думала: «как кур во щи». Но это примерно одно и то же. Куру сначала ощипывают, потом кладут во щи. Так что для куры все кончается одинаково, как и для нашего Греки.

Итак, мы решили написать сценарий. Впереди предстояла большая и бесславная работа. Кто знает сценариста? Никто. Сценаристы славы не имеют. Все достается актерам, потом режиссерам. Тогда зачем я должна изо дня в день сидеть над машинкой сгорбившись, портить здоровье, гнать строчки одну за другой? Что меня гонит? Инстинкт передачи информации — его называют Талант. Существует инстинкт продолжения рода, который зовется Любовь. Значит, талант такой же мощный инстинкт, как любовь, и никуда от этого не денешься. Сядешь и будешь писать.

Талант в человеке навязывает свою программу. Как будто закладывается опреде-

ленная дискета. Когда человек садится за машинку, он не подозревает, что это талант усаживает его за стол, и работает, и вырабатывает себя. Дело человека — не мешать, не разбавлять водкой, враньем и деньгами. Иначе талант останавливается. Он не может вырабатывать себя в испорченной машине.

Итак, меня погнали в работу инстинкт и тщеславие. Желание славы. «Чтобы именем моим все, все вокруг тебя...» и так далее.

Доработчика усадил за сценарий культ дружбы. Алик — друг. Значит, во имя Алика.

А что погнало в кино Алика? Карина. Девушка его мечты.

Когда Алик увидел Карину в первый раз — это случилось на юге, на пляже, — он сразу понял, что это — ОНА и вся его дальнейшая жизнь будет идти под знаком: продвижение к Карине. Пусть даже по миллиметру в год.

В ту пору Алик учился в техническом вузе, должен был стать инженером. Одним из многих. Инженер — профессия не престижная. Палкой кинешь — в инженера попадешь.

Мода на профессии менялась в течение века. В тридцатых годах модная профессия — летчик. Как Чкалов. В сороковых — генерал, лучше маршал. В шестидесятых — кинорежиссер. В девяностых — банкир. Но вернемся в шестидесятые...

Алик решил сменить статус и поступить на режиссерские курсы, поскольку режиссер — профессия избранных. Чтобы достичь Карины, надо стать элитарным самцом. Что такое элита? Это деньги, общение, одухотворенный труд. И все это Алик собирается сложить к ногам семнадцатилетней Карины. Немало.

В этот же год на эти же курсы поступает Доработчик. Они познакомились и подружились.

Алик и Доработчик — не только не похожи, а прямо противоположны. Один смуглый, другой бледный. Один крепкий, другой худосочный. Не говоря о темпераментах: один вспыхивает как спичка, другой сдержан. Но, видимо, что-то в них совпадало. Была в Алике тихая преданность. А Доработчик преданность ценил, как и все, впрочем.

На курсах Алик был занят тем, что любил Карину. На занятиях он думал о том, как они вечером встретятся, и пойдут в кино, и сядут на задний ряд, и он в темноте найдет ее руку. О большем Алик не помышлял. Он берег Карину для себя. Он знал, что они поженятся и тогда будет ВСЕ. От этих мыслей у Алика пресекалось дыхание и спотыкалось сердце. А потом начинало колотиться с утроенной силой. Он любил Карину в буквальном смысле до потери пульса.

Объективности ради надо отметить, что Карина действительно была хороша. У нее прекрасные природные данные: глаза, лицо, фигура. Но плюс к тому она следила за собой, холила и поддерживала свою красоту, что редкость в молодых девушках. Девушки, как правило, хороши молодостью. Этого хватает. А в случае Карины — это молодость плюс усилия. Она отличалась от остальных, как культурная роза от дикого шиповника.

Алик это видел. И не только Алик. Однажды на чьем-то дне рождения к Карине прилепился красавец архитектор. Угроза была серьезной. Красавец не только красив, но и талантлив, богат и свободен. И находился в открытом поиске. Карина, как рыба, могла уйти с крючка. А вне Карины жизнь Алика не имела никакого смысла. Жизнь превращалась в черный мешок, где сидишь, скрючившись, ничего не видишь и нечем дышать.

В один прекрасный, или, правильнее сказать, ужасный, день Алик позвонил Карине и ее мама легким голосом сообщила, что Карина ушла в гости. К кому? Кажется, к Архитектору.

Мать Карины, сорокалетняя свободная женщина, сама искала себе партию. Как подозревал Алик: ищет-ищет — не найдет, меняет партнеров. Она и Карину ориентировала на поиск и наверняка одобряла кандидатуру Архитектора.

Алик положил трубку и сжал челюсти. Он берег свою Карину, как каплю росы. Боялся пролить. Единственное, что он мог себе позволить: взять за руку в темном кинозале. А тут — домой, в холостяцкую квартиру... Вряд ли Архитектор ограничится рукой. Он взломает его клад и возьмет что пожелает. А Карина... Она не предательница, нет. Она просто наивное, любопытное существо и не ведает, что творит, — как ребенок, свесившийся с подоконника. Карина — жертва этого опытного взламывателя. Но Алик не отдаст свою любовь. Он поменяет местами жертву и палача. Вернее, так: он сделает палача жертвой.

Алик взял из дома ледоруб — он был заядлым альпинистом — и отправился к Архитектору.

Алик знал адрес. В свое время он брал у Архитектора ключи от холостяцкой квартиры. И хорошо знал эту квартиру, и широкий диван, и тихую музыку из проигрывателя.

Алик шел с ледорубом. На всякий случай. Алик хорошо лазал по горам, но дрался плохо. Архитектор занимался боксом и дрался хорошо, зато не умел преодолевать вершины. У него были свои вершины.

Дверь долго не открывали, и перед мысленным взором Алика проплывали страшные видения.

Архитектор не открывал потому, что никого не ждал. Он рассчитывал, что неждан-

ный гость позвонит и уйдет. Но гость оказался настырный. Пришлось идти и открывать.

Надо заметить, что ничего ТАКОГО между ним и Кариной не происходило. Карина просто сидела на диване с ногами, туфли-лодочки стояли возле дивана на полу, привалившись одна к другой. А Карина сидела, поджав ноги, вполне уютно. Не официально. Но все-таки рискованно. На грани между «можно» и «нельзя».

Возможно, игра двинулась бы и дальше. Но не двинулась, поскольку явился Алик. Ему открыли. Он шагнул в прихожую, увидел туфли-лодочки возле дивана и ударил Архитектора ледорубом. Как Троцкого. Это была ошибка номер один.

Архитектор упал. А Алик взял Карину за руку и повел за собой. Карина торопливо сунула ноги в туфли-лодочки и ушла за Аликом, потрясенная его ревностью, а значит, и любовью.

Последствием своего поступка Алик не поинтересовался. Он не задержался возле лежащего без сознания человека, не испугался лужицы крови, не вызвал врача, не смутился от собственной жестокости. Может быть, и смутился, и испугался — я этого не знаю. Но знаю, что он ушел и увел невесту. Это была ошибка номер два.

В результате проделанных ошибок Алик получил восемь лет тюрьмы за нанесение тяжелых телесных повреждений.

Как это все происходило: суд и приговор, чувства Алика и чувства его матери, — я не знаю. Но это легко предположить — что испытывает мать, провожая сына в тюрьму на восемь лет.

Из чего состоит человеческая жизнь? Еда, сон, труд, секс, общение. Что такое тюрьма? Это плохая еда. Сон в переполненной камере или бараке. Тяжелый бездуховный труд. Отсутствие секса или навязанный секс. Вынужденное общение.

Во всем плохом, что происходит с детьми, виноваты родители. Даже если это уже большой мальчик — все равно виновата мать. Мать Алика, кстати, была очень крупным ученым. В какой области, я не знаю, да это и не важно. Я помню эту женщину. Она постоянно торопилась. Куда? В свою науку. Там ей было интереснее всего. Об отце я никогда не слышала. Такое впечатление, что его не было вообще. Алика растила только мать. Она любила сына, но не всем существом, а только той частью, которая оставалась от науки. Когда женщина занята, она воспитывает ребенка по линии наименьшего сопротивления, а именно: все разрешает. Так легче всего. Воспитывать — это значит противостоять, на чем-то настаивать, запрещать, тратить энергию. А энергия нужна для другого.

Вседозволенность привела к тому, что Алик легко взял ледоруб и легко опустил его на темя живого человека. И сел в тюрьму.

А может быть, вседозволенность ни при чем. Просто в Алика попал ген отца, которого мы не знали. Мать — работоспособная, одаренная, тихая, некрасивая женщина, похожая на крестьянку. С ее генами Алик в свои двадцать пять лет стал бы доктором наук, а не скакал из одного учебного заведения в другое с одинаковым, примерно нулевым результатом. К тому же Алик был аристократично красив, изысканно нежен. В нем явно просвечивал какой-то таинственный папаша.

А может быть, дело не в наследственности и не в воспитании, а в роковой любви. Такая любовь приносит испытания, а иногда даже забирает жизнь.

Алик сел в тюрьму. Но любовь не потерял. Карина терпеливо и преданно его ждала. С ее стороны тоже была настоящая любовь, а может быть, она видела Алика в действии и боялась получить по голове.

Карина ждала. Училась в институте. Ездил к жениху в ссылку. Писала письма. Получала письма. Это были хорошие времена, как ни странно. Все было ясно. Она — любит и ждет. Он — любим и страдает из-за любви. Вокруг его головы незримо мерцал нимб мученика. Впереди — маяк свободы. Оковы тяжкие падут, и Алик упадет в объятия Карины. Они будут нежно любить друг друга всю жизнь, до старости и в старости. И умрут в один день, чтобы не мучиться

друг без друга. Ради такой перспективы стоит переждать в неволе пусть даже восемь лет. Но Алик вышел раньше — через пять. Его выкупила мать. Не сумела воспитать — плати. Мать заплатила все деньги, заработанные в науке.

Алик вышел из тюрьмы тридцатилетним человеком. Вся жизнь впереди.

Алик и Карина поженились. Начались новые времена, не лучше тюремных. Алик не работал, ему не давали снимать. Он был человеком с пятном, с испорченной анкетой.

Алик тыркался, мучился, ничего не выходило. Он по целым дням сидел дома на тахте и спал с открытыми глазами. Он научился так спать в тюрьме: глаза открыты, но какие-то слюдяные, как у свежемороженой рыбы трески.

Карина тем временем ходила на работу в свое конструкторское бюро, зарабатывала деньги на семью. Холить свою красоту было некогда, да и настроение не то. Она ходила с ломаными ногтями, унылым лицом и не могла понять: когда это кончится? Сколько он будет так сидеть, а все вокруг его кормить? Алику помогала мама. Но как можно уважать мужчину, который в тридцать пять лет берет у мамы деньги?

С тюрьмой все было ясно — восемь лет. А эта новая каторга — бессрочная. До конца дней.

Особенно обидным казалось то, что Карина до двадцати пяти лет сохраняла девственность и отдала ее Алику. Уж лучше бы тогда... С красавцем Архитектором.

А что делает Красавец? Красавец — больше не красавец, а инвалид. Проломанную теменную кость пришлось заместить куском пластмассы. Пластмасса не дышит в отличие от кости. У Красавца начались жуткие головные боли, нарушение мозгового давления и все, что с этим связано. Из хозяина жизни он превратился в беспомощного свидетеля, который может только наблюдать, а сам не участвует.

Если бы Красавец верил в Бога, то, может быть, вера привела бы его к смирению. Вера бы посоветовала: «Смири гордыню». И он бы смирил. Простил обидчика.

Если бы Красавец внимательно читал Льва Толстого, то он бы подставил Алику правую щеку. Но в Бога Красавец не верил, Толстого читал невнимательно и никак не мог уразуметь: почему по вине какой-то сволочи должен потерять здоровье и практически жизнь, потому что такое полупарализованное состояние с палкой — это не жизнь.

За что, спрашивается? За Карину? Но у них ничего не было. Он захотел поухаживать, позвал. Она пришла. Не хотела бы — не пришла. Для того его родила мать, соби-